

ПОЛИТОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АФРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

© 2023 В.В. Грибанова, Н.В. Гришина

ГРИБАНОВА Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, заведующий Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: vgibanova@mail.ru

ГРИШИНА Нина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, e-mail: eestima8@yandex.ru

***Аннотация.** Актуальность темы обусловлена нарастанием общей нестабильности в большинстве полиэтничных государств Африканского континента, ведущей к обострению издавна существующих проблем социально-политического спектра. Статья содержит обобщающие характеристики активного воздействия этнического фактора на политические процессы в некоторых странах Африки, где данный феномен выступает в числе наиболее сложно решаемых внутринациональных проблем.*

Авторы подчеркивают, что этнические связи нередко пронизывают все общественные отношения, особенно ярко проявляясь в государственно-административном управлении, деятельности оппозиционных структур и в армии. Авторы приходят к выводу, что роль этнических связей в формировании и деятельности политических структур в разных регионах Африки по-прежнему очень значительна.

Ключевые слова: этносы, политика, политическая борьба, традиции, межэтническое противостояние, урегулирование конфликтов, нестабильность, конфликты

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-62-1-64-76

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние несколько десятилетий тема этнических конфликтов вызывает пристальное внимание исследователей, представляющих различные сферы гуманитарного знания. Интерес к этому вопросу непосредственно связан с тем, что этнические конфликты, будучи результатом общественных противоречий и политической нестабильности, трудноразрешимы. В течение долгого времени Африканский континент является одним из наиболее конфликтогенных регионов мира. В основе большинства внутринациональных и региональных конфликтов разной степени напряженности присутствует этнический фактор.

В колониальные времена родственные этносы были насильственно разделены, а враждующие объединены искусственно созданными государственными границами. Эти

барьеры, возведенные исключительно в интересах метрополий, в постколониальный период обострили проблемы разделенных народов как в этническом плане, так и с точки зрения отношений между государствами [1].

В настоящее время практически все африканские государства полиэтничны. Как правило, наряду с одной или несколькими крупными этническими общностями, представлены многочисленные мелкие этносы. Так, на территории Нигерии проживают свыше 200 этнических групп, в Демократической Республике Конго их до 250. И этот факт не способствует внутривнутриполитической стабильности стран региона. Межэтнические противоречия часто приводят к конфликтам. Они происходят в Нигерии (противостояние между хауса, игбо и йоруба), Кении (между кикуйю, лухья, календжин и камбо), Эфиопии (амхара и оромо), Гвинеи (между малинке, сусу и фульбе),...

Современными политическими деятелями нередко намеренно преувеличивается роль своей этнической группы в историческом контексте по сравнению с прочими этносами с целью получения ее представителями высших должностных постов.

Возрастание роли этничности взаимосвязано с нерешенностью экономических проблем, усилением социальной напряженности, политической нестабильностью, что приводит к региональным конфликтам, которые в свою очередь усугубляют межэтнические противоречия. Повышение значимости традиционных этнокультурных ценностей в условиях научно-технического прогресса ведет к росту национального самосознания и стремлению сохранить свою культуру и язык. Этничность проявляется в разных сферах жизни: в деятельности партий, в функционировании органов управления, в армии, в социально-экономической и культурной сферах [2, с. 53].

На сегодняшний день в научном мире существует множество определений этнополитических конфликтов. К наиболее емким можно отнести следующее, принадлежащее российскому ученому А.Р. Аклаеву: этнополитические конфликты – это столкновение субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации, и по крайней мере одним из субъектов является этническая группа [3, с. 22]. Российский политолог Н.Д. Косухин предложил классифицировать этнополитические конфликты как автономистские (защита интересов этнических общностей), сепаратистские (стремление к отделению от полинационального государства), этноэгалитаристские (требование уравнивания представителей этноса или этносов в правах) и антииммигрантские (против заселения в свою страну представителей других этносов) [4].

Имея многовековые корни, в условиях полиэтничности и постоянной борьбы за власть этнический фактор и сегодня сохраняет существенное воздействие на общественные процессы, способствуя консервации племенной обособленности [5, с. 44.]. Следует подчеркнуть, что этнические конфликты происходят на фоне социально-экономических проблем большинства африканских стран, преобладания бедных и беднейших слоев населения. Нередко именно эти факторы являются детонатором межэтнических конфликтов и борьбы за власть. Как правило, сепаратистские движения и политические партии используют вооруженную борьбу прежде всего для обеспечения своей этнической группе возможности полностью распоряжаться местными ресурсами и таким образом превалировать над другими этносами в экономической сфере.

Современная история Африки содержит немало примеров взаимозависимости этнического фактора с политической деятельностью в различных регионах континента. Конституционное закрепление многопартийности в большинстве африканских стран практически не влияет на то, что партии и различные общественно-политические орга-

низации, по существу, выражают интересы определенных этнических групп, в то время как партийные лидеры решительно отрицают этническую составляющую в политической деятельности. Так, в 1990-х гг. в Эфиопии существовало около 80 таких общественно-политических структур с конкретной этнической принадлежностью; Объединенная демократическая партия Замбии отражает интересы народности лувале; в Анголе УНИТА опирается на овимбунду; в Камеруне Национальный союз за демократию и прогресс пользуется поддержкой мусульманских народов Севера, и прежде всего фульбе; этническую базу Союза народов Камеруна составляют бамилеке и англоговорящее население Западной провинции, в Гвинее Партия единства и прогресса опирается на сусу, ряд партий объединяет в своих рядах фульбе и т.д, в Бурунди партия единства и национального прогресса (УПРОНА) выражает интересы тутси, Фронт за демократию в Бурунди (ФДБ) пользуется поддержкой хуту.

Обретение политической независимости африканскими колониями не привело к решению существовавших на тот момент проблем – экономических, социальных, этнических. Одним из главных факторов внутренней нестабильности была и остается многоэтничность и непосредственно связанная с ней традиционная неприязнь к иноплеменникам. Прошедшие со времени обретения африканскими странами независимости десятилетия, по сути, не только не привели к улучшению ситуации, а наоборот, углубили и обострили многие вопросы общественного развития.

Преобладание на государственных постах представителей определенного этноса (конго в ДРК; бауле в Кот-д'Ивуаре; темне в Сьерра-Леоне; хауса и йоруба в Нигерии; фульбе в некоторых странах бывшей французской Западной Африки; бемба в Замбии; тутси в Руанде и Бурунди и т.д.) вызывало недовольство других народов, нередко превосходящих упомянутые по численности. Осложняющими факторами были формирование армий по племенному признаку, существование союзов и партий на этнической основе; создание административного деления без учета расселения отдельных этносов и т.п. Нередко они вкупе с социально-экономическими проблемами осложняли внутриполитическую ситуацию настолько, что приводили к острым столкновениям между различными народами, населяющими одну страну, и к государственным переворотам (как это было в Бенине, Чаде, Нигерии, Уганде, Гане) [6, с. 3], к требованиям создания новых государств народами, разделенными границами (такие цели ставили различные фронты освобождения в Эфиопии). Не раз в современной истории Африки этническое противостояние перерастало в вооруженную борьбу, как это было в Нигерии в 1966–1970 гг.; в Судане в 60-х гг. и Уганде в 70-х гг. прошлого века; в Заире (ныне Демократическая Республика Конго) в 1960–1964 гг.; в Чаде, где с середины 1960-х гг. не прекращаются вооруженные столкновения, или межгосударственные конфликты (Эфиопия, Кения, Сомали) [7].

Конечно, африканский политический ландшафт значительно более разнообразен, чем принято считать. В одних странах преобладают этнические партии или этнические союзы, в других – партии, созданные на неэтнической основе (программные, персоналистские). В то же время существует корреляция между этническим составом населения страны и выраженностью этнической принадлежности в ее политической сфере. Так, анализируя деятельность политических партий в 10 странах Тропической Африки американский политолог Себастьян Элишер делает вывод, что в странах, где доминирует одна этническая группа, преобладают неэтнические партии, а в полиэтничных странах – партии, строящиеся по национальному признаку [8, с. 227].

Что касается социально-экономической сферы, то и здесь этничность имеет разные формы: преимущественное внимание уделяется развитию районов, из которых происходят представители верхних эшелонов власти (кикуйю при режиме Джомо Кениаты в

Кении, бауле в Кот-д'Ивуаре, бемба в Замбии и т.д.), борьбы за ресурсы и власть между представителями различных этнических групп, например, между кикуйю и луо в Кении, между южанами игбо и йоруба и северянами хауса (а также между игбо и йоруба) в Нигерии, арабами и кабилами в Алжире и т.д.

Усиление интереса к собственным культурным ценностям и языкам в ряде стран обостряет межэтнические противоречия и внутривосточную борьбу в целом. В качестве примера может служить Алжир, где бербероязычное население постоянно выступает в защиту своего языка и культурного наследия против насильственной арабизации. Общественное движение, ранее ограничивавшееся культурными требованиями, политизировалось и привело к созданию партий – Объединение за культуру и демократию (ОКД) и Фронт социалистических сил (ФСС). Они выдвигают требования, касающиеся не только кабийского языка и культуры, но проведения широких демократических преобразований общества [9].

ОКД было создано в 1989 г. на базе берберского движения за культурную автономию. Главными пунктами программы действий ОКД стали полное признание берберского языка и берберской культуры, отделение религии от государства, свобода совести и выражения мнений и взглядов, полное и подлинное равноправие женщин. В социальном плане Движение стало выразителем интересов франкоязычной крупной кабийской буржуазии и ее представителей в средних и высших эшелонах административно-управленческого аппарата. ФСС ведет свою историю от вооруженного кабийского сопротивления, начатого в 1963 г. В 1989 г. Фронт вышел из подполья, где вынужден был действовать весь период независимого развития Алжира [10, с. 85–86].

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ЭТНИЧНОСТИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ РУАНДЫ, ЧАДА, СУДАНА, АНГОЛЫ, ЭФИОПИИ, ЮАР

Этническое противостояние порой выливается в масштабный геноцид, как это произошло в 1994 г. в Руанде. Население страны представляет собой три разновеликие группы – тутси, хуту и тва, различающиеся между собой по этническим признакам и напрямую связанному с этим социально-политическому статусу. Традиционно будучи скотоводами и составляя не более 20% населения страны, тутси в течение нескольких столетий занимали господствующее положение, контролируя всю политическую и экономическую жизнь страны, подчинив себе земледельцев-хуту (примерно 80% населения). Пигмеи-тва (около 1% населения), находившиеся на низкой ступени развития, не участвовали в общественной жизни Руанды.

В 1960 г. хуту под руководством партии ПАРМЕХУТУ (Республиканско-демократическое движение) захватили власть, сместив представителей тутси с руководящих постов. В 1994 г. начались погромы и убийства тутси, спровоцировавшие массовый отток населения из страны и многолетнюю гражданскую войну. Одновременно с началом этнических чисток, инициированных правительством Ж. Хабьяриманы, внутри страны началось формирование отрядов ополчения Интерахамве¹, задачей которых стал геноцид тутси. Сам президент утверждал, что это необходимо для того, чтобы помешать тутси восстановить феодальный строй [11, с. 46].

В результате геноцида примерно 40% населения Руанды покинуло страну, более 1,5 млн человек оказалось в тюрьмах. За три с небольшим месяца были зверски убиты свыше 1 млн представителей народности тутси. Таковую страшную цену заплатила не-

¹ В переводе с языка киньяруанда «Те, кто нападает вместе».

большая африканская страна за политический курс своего правительства, основанный на доминировании одного из этносов.

После обретения независимости Чадом в 1960 г. официальную власть в стране правительство Франции передало проживающим на юге представителям христианских этнических групп. Президентом и премьер-министром Чада стал выходец из народности нсара Франсуа (Нгарта) Томбалбай, одновременно возглавлявший Прогрессивную партию Чада. Придя к власти, Томбалбай пошел по пути многих глав ставших независимыми африканских стран: в 1962 г. он запретил деятельность всех партий, кроме его собственной, сосредоточил во власти выходцев из своего клана и подавил политическую оппозицию, наполнив тюрьмы тысячами политических оппонентов. На большинство административных постов, в том числе и на севере, были назначены южане, на всех уровнях власти в стране процветала коррупция [12].

Хотя нсара составляли не более 10% населения Чада, правительственные структуры формировались из представителей именно этой народности, что привело к политической дискриминации населения северных и центральных областей (тубу, загава, канебу, вадаи, и пр., а также арабов) и отсутствию их посланцев в ветвях власти всех уровней, упрочению однопартийной системы. В 1965 г. в префектуре Гера, расположенной на севере Чада, в связи с недовольством проводимой властями социально-экономической политики вспыхнуло восстание, переросшее вскоре в гражданскую войну.

Обострение ситуации спровоцировало проведение с 1973 г. официальной властью политики насильственной африканизации: христианскому населению было предписано изменить имена на африканские, введен ритуальный обряд инициации, началось преследование христиан и мусульман. После гражданской войны 1965–1979 гг., завершившейся государственным переворотом, север Чада оказался разделенным на зоны влияния различных этнических кланов, каждый из которых преследовал собственные интересы в борьбе с официальными властями [13, с. 116–125].

К 1983 г. в Чаде действовали два правительства: в Нджамене во главе с Х. Хабре и в Бардаи во главе с Г. Уэддеем. Официально президентом страны с 1982 по 1990 гг. являлся Хиссен Хабре (по этнической принадлежности – тубу-даза). Для консолидации власти и расширения ее этнической базы Хабре ввел в состав центрального правительства и местной администрации наряду с северянами представителей южных районов. Однако главной его опорой внутри правительства оставался узкий круг из числа соплеменников. В ноябре 1990 г. вооруженные отряды оппозиционного Патриотического фронта спасения вторглись в Чад с территории Судана. Повстанцы захватили столицу Нджамену, Х. Хабре был вынужден покинуть страну. Правозащитные организации много лет добивались наказания бывшего президента, обвиняя его в проведении этнических чисток и нарушениях прав человека. Судебный процесс над Хабре завершился 30 мая 2016 г. признанием его многочисленных преступлений против человечности и вынесением приговора о пожизненном заключении [14, с. 69].

Судан, как и соседний с ним Чад, также не является целостным социально-экономическим образованием. Среди множества факторов, симулирующих возникновение конфликтов в стране, присутствует и этнорелигиозный. Многолетний конфликт в Дарфуре связан с историей государственности этого региона. С XVI в. до 1916 г. на его территории существовал Дарфурский султанат, однако сегодня народы Дарфура лишены политических прав. В органах центральной и местной власти, в бизнесе главенствующие позиции принадлежат арабскому населению, что побуждает негроидное население Дарфура к консолидации, созданию политических движений для борьбы с политической и этнической дискриминацией и отстаивания собственных интересов. Например, членами Фронта освобождения Дарфура, позднее переименованного в Суданское освободитель-

ное движение (СОД), в основном являются представители народностей фур, загава и масалитов. Для борьбы с этим движением, которое правительство Судана рассматривает как повстанческое, было создано организованное из местных арабоязычных кочевников ополчение Джанджавид, чья деятельность поддерживается регулярной правительственной армией. Несмотря на активное участие международных организаций (ООН, Европейского и Африканского союзов) в урегулировании дарфурского конфликта, до настоящего времени позитивные изменения не достигнуты, гражданская война продолжается [15].

В Анголе этнический фактор всегда играл большую роль, чем собственно социальные связи. Он определил такие особенности национально-освободительного движения в этой стране, как этническая разобщенность, регионалистские и сепаратистские тенденции. Подавляющее большинство возникавших антиколониальных организаций носило узкоэтнический характер: с 1955 по 1970 г. в Анголе существовало около 90 таких организаций [9].

Антиколониальное движение, продолжавшееся с разной интенсивностью до получения страной независимости в 1975 г., не принесло долгожданного мира и переросло в затяжную гражданскую войну между этническими группировками. На волне борьбы за независимость в стране формировались политические движения, членство в которых было основано в первую очередь на принадлежности к определенной этнической группе. Так, «Национальный союз за полную независимость Анголы» (УНИТА) опирался на интересы самой крупной этнической группы страны – овимбунду (37% населения), «Народное движение за освобождение Анголы» (МПЛА) первоначально было сформировано из народов кимбунду (вторая по численности этническая группа – 25% населения), «Национальный фронт освобождения Анголы» (ФНЛА) был представлен третьей по численности этнической группой – баконго (13% населения) [16].

После обретения независимости противостояние между ангольскими политическими партиями за право формирования властных структур обернулось многолетней и кровопролитной гражданской войной – по сути, межэтнической бойней. При поддержке Заира, США и ЮАР ФНЛА и УНИТА выступали единым фронтом, контролируя юг и восток Анголы. Источником доходов УНИТА стали алмазы, крупные месторождения которых находились на подконтрольных ей территориях. Поскольку МПЛА придерживалась социалистической ориентации, помощь ей оказывали СССР, Куба и некоторые другие страны соцлагеря. Кроме того, союзником МПЛА стала Организация народов Юго-Западной Африки (СВАПО), боровшаяся против ЮАР за независимость соседней Намибии. Главным источником дохода для МПЛА был экспорт нефти [17].

В начале 90-х гг. XX в. МПЛА лишилась поддержки извне, поскольку распался и СССР, и социалистическая система; СВАПО добилась независимости Намибии и вышла из гражданской войны в Анголе. Все это привело к завершению гражданской войны и согласию воюющих сторон на проведение открытых многопартийных выборов. Они состоялись в 1992 г. и завершились победой МПЛА, которая и стала официальной правящей ангольской партией. По официальным данным за МПЛА проголосовало 54% избирателей, и она получила абсолютное большинство мест в парламенте – 129 из 220. УНИТА получила 34% голосов и 70 депутатских мандатов. За ФНЛА подали голоса всего 2% избирателей [17, с. 82].

На прошедших параллельно президентских выборах первый тур не принес победу ни одному кандидату, поскольку лидер МПЛА Ж.Э. душ Сантуш получил 49% голосов избирателей, а его соперник, лидер УНИТА Ж. Савимби – 41%. Савимби и УНИТА не признали результаты выборов, второй тур не состоялся. Лидер УНИТА обвинил МПЛА в подготовке покушения на него и покинул столицу. Гражданская война возобновилась.

Только в 2002 г., после смерти Ж. Савимби и при посредничестве ООН, УНИТА согласилась на разоружение и вместе с ФНЛА стала основной оппозиционной партией правительству Анголы, борьбу с которым они ведут уже политическими методами [16].

Выборы в национальную ассамблею состоялись в 2008 г. По официальным итогам голосования МПЛА оставила далеко позади УНИТА, лишившуюся своего яркого лидера, и набрала 82% голосов, обеспечив своим депутатам 191 место в парламенте. УНИТА набрала всего 10%, потеряв две трети избирателей, ФНЛА удалось получить всего 1% голосов [18].

Избирательная кампания 2012 г., которая должна была проходить в соответствии с новой Конституцией, сопровождалась жесткой полемикой, скандалами, обвинениями со стороны оппозиции в отсутствии в стране свободы слова, коррупции в правительстве, репрессиям в отношении манифестантов. На выборы 2017 г. правящая партия пошла уже с новым лидером, Ж. Лоуренсу, и снова получила большинство, хотя и потеряла почти 10% голосов избирателей, которые достались УНИТА.

Новый президент инициировал в стране антикоррупционную кампанию, в том числе и против членов семьи бывшего президента, Ж.Э. душ Сантуша, изменил политический стиль руководства, установив рабочие отношения с представителями всех партий, объявил себя «президентом всех ангольцев», а не только сторонников МПЛА. Он декларировал следующие основные задачи своего правления: повышение уровня жизни населения, превращение Анголы в крупную региональную державу, борьба с международным терроризмом и коррупцией, демократизация общества [19, с. 84–86].

Между тем, анализ этнических процессов в Анголе свидетельствует о том, что ни о какой единой ангольской нации как этносоциальной категории не может быть и речи на современном этапе ее развития. Как полагает ангольский социолог В. Кажибанга, на это указывает, в частности, тот факт, что небольшие этнические группы, входящие в более крупный этнос, претендуют на признание себя самостоятельным этносом. Исследования, проведенные им в различных сельских районах Анголы, выявили у населения достаточно сильные тенденции к сохранению этнического самосознания и отсутствие стремления к культурному сближению с другими этносами. Кроме того, многолетняя гражданская война и борьба за власть в стране разных этнических группировок, происходящая под политическими лозунгами, отнюдь не способствовали интеграции этносов, а во многом еще больше разъединяли их [20, с. 65–72]. Таким образом, по мнению ангольского исследователя О.Ж. Канжунгу, самосознание ангольцев до настоящего времени нельзя назвать единым. В плане общенационального самосознания этносы, населяющие страну, являются маргинальными, отчуждающимися друг от друга [21].

В Эфиопии приход к власти в мае 1991 г. в результате свержения режима Менгисту Хайле Мариама выходцев из северной провинции – тыграй – привел к обострению этнополитической ситуации. Тыграй заняли ведущие посты в созданном переходном правительстве и составили основу правящей партии Эфиопского народного революционного демократического фронта (ИПРДФ), что вызвало недовольство представителей политических и этнических движений, боровшихся против Менгисту Хайле Мариама и требовавших для себя более широкого представительства в правительстве. Обострились отношения тыграй с народностями амхара и оромо.

Амхара, составляющие около четверти населения Эфиопии, традиционно считались «государствообразующей» нацией и занимали практически все руководящие посты как при императоре, так и в период диктатуры Менгисту. После его свержения амхарская элита оказалась оттесненной от власти, однако долгое время ее действия концентрировались исключительно в политической плоскости.

В 1998 г. после начала войны с Эритреей, ненависть к которой «за развал страны» многократно превосходила недовольство от потери власти, амхарские партии массово поддержали правительство РДФЭН (Революционно-демократический фронт эфиопских народов), представляющее различные этнические группы Эфиопии: Народный фронт освобождения Тыграй (НФОТ), Национально-демократическое движение амхара (НДДА), Народно-демократическую организацию оромо (НДОО) и Южноэфиопское народно-демократическое движение (ЮЭНДД) [22].

В числе стран, где, несмотря на официально провозглашенное «нерасовое общество», внутренняя политика тесно связана с расово-этническим фактором, – Южно-Африканская Республика. С точки зрения внутренних противоречий ситуацию в этой стране социологи характеризуют как относительно стабильную, однако отмечают значительный конфликтный потенциал, связанный с этносоциальной напряженностью.

В 2008 г. было отложено рассмотрение законопроекта, наделявшего правительство, подавляющее большинство которого представлено чернокожими, правом выкупать земли без согласия белых фермеров, поскольку подобный сценарий напоминал программу принудительной экспроприации земли в Зимбабве в 2000 г., которая привела к всплеску насилия в отношении белой общины и упадку национального сельского хозяйства. Данные по ряду возвращенных ферм в ЮАР также говорят об упадке производства после смены собственника [23]. Принятие законопроекта грозило не только обострить внутривнутриполитическую обстановку в ЮАР, где межрасовая напряженность никогда не исчезала, но и испортить отношения страны с Западом, в свое время резко осудившего земельную реформу в Зимбабве.

На фоне экономических потрясений возможно обострение и давнего конфликта этносов коса и зулу. Накал политического противостояния между двумя крупнейшими этносами ЮАР достиг своего апогея в виде многочисленных вооруженных столкновений в годы демонтажа апартеида. Между партией АНК и партией Инката (в первой ведущая роль принадлежит коса, а вторая практически является этнической партией зулу) регулярно возникают трения по тем или иным вопросам политической жизни. Несмотря на некоторую стабилизацию отношений, новые вспышки насилия не исключены, особенно это характерно для провинции Квазулу-Наталь.

Конфликт по линии зулу-коса мог бы возникнуть и без участия Инкаты. Так, сторонники бывшего президента Джейкоба Зумы (зулу по этнической принадлежности) с 2008 г. угрожают массовыми акциями протеста и даже насилием в случае, если продолжится его преследование по обвинению в коррупции. Несмотря на то, что многие из сторонников Зумы относятся к коса, в общественном мнении получила значительное распространение версия, согласно которой проблемы Зумы с законом обусловлены заговором, организованным против него политиками-коса, не желающими видеть представителя зулу во главе партии и страны. Об опасности подобных версий для стабильности в ЮАР высказывался глава Инкаты Мангосуту Бутелези, тогда как Зума отмежевался от «этнической» подоплеки своего судебного преследования [24].

История судебного преследования Дж. Зумы началась в 2005 г., но неофициальные обвинения были выдвинуты против него еще в 2002 г. Зума пришел к руководству АНК в 2007 г., победив Т. Мбеки и получив поддержку более 60% избирателей на Национальной конференции АНК. В 2009 г. после всеобщих выборов он занял пост президента ЮАР, а затем был переизбран в 2014 г. До своего президентства Зума в 90-е гг. XX в. занимал в своей родной провинции Квазулу-Наталь пост ответственного за экономические вопросы и туризм в коалиционном правительстве АНК и партии Инката, созданном здесь после выборов 1994 г. Зума много сделал для установления прочного мира в этой проблемной провинции на посту председателя отделения АНК.

До этого тысячи африканцев погибли в столкновениях между сторонниками двух партий [25, с. 8–9].

На первом этапе все обвинения против Дж. Зумы были сняты и стали рассматриваться как заговор против него. Но возникли новые обвинения. В 2016 г. Верховный суд провинции Хаутенг отверг решение, принятое национальной прокуратурой накануне выборов 2009 г. о закрытии уголовного дела против Зумы, в котором содержались обвинения в коррупции, мошенничестве и вымогательстве по 783 (!) эпизодам [26].

Таким образом, появилась возможность возбудить дело против Зумы после того, как он покинет пост президента. Вслед за этим появилось дело о «захвате государства». Этот термин стал употреблять в отношении трех братьев Гупта, выходцев из Индии, создавших в ЮАР разнообразный бизнес, благодаря личным контактам с президентом и его семьей [25, с. 13].

Уже с 2016 г. стали звучать призывы к президенту добровольно уйти в отставку. Но Зума, очень любивший власть и все, что с ней связано, сопротивлялся до последнего. 16 декабря 2017 г. прошла 54-я Национальная конференция АНК. На ней бесспорную победу одержал С. Рамапоса, заняв ключевой пост президента АНК. После конференции призывы к Зуме добровольно уйти в отставку усилились. Но согласился он уйти только после того, как стало очевидно, что намеченное на 15 февраля 2018 г. голосование о недоверии в парламенте будет поддержано не только оппозицией, но и большинством депутатов от АНК. В соответствии с конституцией исполняющий обязанности президента сразу стал С. Рамапоса. Основной и неотложной его задачей являлась борьба с коррупцией. 20 августа 2018 г. в Претории начала свою работу «Комиссия по расследованию захвата государства» во главе с председателем Верховного суда. Еще раньше, 6 апреля 2018 г. бывший президент предстал перед Высоким судом в Дурбане в связи с 16 пунктами обвинений, включающих мошенничество, коррупцию и рэкет [27].

ВЫВОДЫ

Десятилетия, прошедшие с момента получения независимости африканскими странами, показали, что в основе политической власти многих из них лежат не столько социальные, сколько традиционные этнические и религиозные отношения. В государственном управлении задействованы не только правящие партии и общественные организации, но и традиционные правители, законодательная, исполнительная и судебная власть которых распространяется на всех членов общины (Сенегал, Мали, Нигер, Нигерия, ЮАР и др.)

За годы независимости европейские государственные и политические организации, чуждые африканским обществам, приобрели местную специфику, соединившись с традиционным восприятием власти и личного авторитета правителя. В условиях перманентной социально-политической нестабильности и в результате борьбы за власть между различными этническими группировками в большинстве стран Тропической Африки возникли авторитарные политические режимы, поддерживаемые, как правило, представителями конкретного этноса.

Сегодня политическая власть в африканских странах представляет собой сложную систему общественных отношений, отличающуюся симбиозом традиций в виде этнических, религиозных и клановых связей и элементов современной политической культуры. Эта эклектичность в большинстве случаев делает ее неустойчивой и малоэффективной. В целом ряде стран Африки существует неоправданно громоздкий, непрофессиональный и неэффективный бюрократический аппарат, состоящий, как правило, из земляков и сородичей главы государства.

Вооруженные конфликты, неоднократно вспыхивавшие на протяжении последних десятилетий и отражавшие борьбу за власть между партиями и политическими группировками, в основе своей имели и этноконфессиональные мотивы, как это было, например, в Анголе и ДРК.

Таким образом, нет оснований полагать, что этнический фактор не только в деятельности политиков, но и в жизни многомиллионных масс населения африканских стран в обозримом будущем станет менее важным, чем в настоящее время. Принадлежность глав национальных правительств к той или иной этнической группе продолжает во многом определять внутреннюю политику, дает экономические и политические преимущества «своим» против «чужих», что не всегда приводит к позитивным результатам.

ИСТОЧНИКИ

1. Ake C. What Is the Problem of Ethnicity in Africa? *Transformation*. 1993, № 22, с. 8.
2. Murove M.F. *African Politics and Ethics. Exploring New Dimensions*. University of KwaZulu-Natal, 2020. 173 с., ISBN: 978-3-030-54184-2.
3. Аклаев А.Р. *Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент*. М., Дело, 2005. 472 с. ISBN: 5-7749-0388-5.
4. Косухин Н.Д. Этнополитические конфликты в Африке: истоки и типология. Ч. 1. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*. 2011. № 1, с. 49. ISSN: 2313-1438.
5. *The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa*. J.L. Comaroff and J. Comaroff. Johannesburg. Wits University Press, 2018. 361 с., ISBN: 978-0226510934.
6. Agbagba A. *Histoire Politique du Benin des indépendance à la Conférence Nationale*. Cotonou. Arc-en-ciel, 2000. 250 с.
7. Этнические процессы в современной Африке. Цикл лекций. <https://lektsia.com/2x2daf.html> (дата обращения 23.08.2022)
8. Elischer S. *Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation*. Cambridge. Cambridge University Press, 2013. 336 с. ISBN: 978-1107620445.
9. Африка в тисках национальных проблем. Научно-информационное агентство «Наследие Отечества». http://old.nasledie.ru/politvne/18_12/article.php?art=1 (дата обращения 18.07.2022)
10. Maddy-Weitzman B., Zisenwine D. *The Maghrib in the New Century: Identity, Religion, and Politics*. Gainesville. University of Florida Press, 2007. 288 с. ISBN: 978-0813031422.
11. Destexhe A. *Rwanda and Genocide in the Twentieth Century*. New York. University Press and Pluto Press, 1995. 92 с. ISBN: 978-0814718735.
12. Tchad Agency du Coopération et de Recherche pour le Développement. <http://www.acordinternational.org/acord/fr/acord/nos-actions/zones/chad> (accessed 23.08.2022)
13. Brogan P. *Die Unruhe der Welt: Die Enzyklopaedie der Krisen und Konflikten unserer Zeit*. Wien–Darmstadt. Paul Szolnay Verlag, 1990. 763 с. ISBN: 978-3552042193.
14. Виноградова Н.В. Хиссен Хабре в современной истории Чада. *Африка: политические портреты*. М., Институт Африки РАН, 2018. 198 с. ISBN: 978-5-91298-224-8.
15. Кочанова Т.В. Судан и Южный Судан: через демонтаж и трансформацию власти к ее эволюции. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2020. № 3(52), с. 44. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59.
16. Потоцкая Т.И. Геополитические конфликты в Африке. Цикл лекций. <https://present5.com/> (дата обращения 26.07.2022)
17. Jasinto D.G. *O papel das Nações Unidas no conflito angolano (1991–2002)*. Universidade privada de Angola, campus de Cabinda, 2010. 140 с.
18. Elections 2012 in Angola. <https://www.dw.com/pt-002/elei%C3%A7%C3%B5es-de-2012-em-angola/a-16070052> (accessed 25.06.2022)

19. Токарев А.А. Всеобщие выборы в Анголе: смена вех. *Выборы в странах Юга Африки*. Сборник статей. М., ИАФР РАН, 2020. 144 с. ISBN: 978-5-91298-262-0.
20. Kajibanga V. Democracia e dimensão cultural de desenvolvimento: uma reflexão sociológica sobre o caso africano. *RAS–Revista Angolana de Sociologia*, 2009, № 3.
21. Канжунгу О.Ж. Специфика этнического сознания ангольцев в условиях современных тенденций интеграции культур. *Развитие личности*. 2008, № 4, с. 51. ISSN: 2073-9788.
22. Крылов А. Хотели демократию – получили диктатуру. Почему не работает западная модель демократии? *Столетие. Интернет-газета*. 23.10.2007. http://www.stoletie.ru/geopolitika/hoteli_demokratiju__poluchili_diktaturu.htm. (дата обращения 22.08.2022)
23. Ардаев В. Расизм наоборот. У белых фермеров в Южной Африке отбирают землю. *РИА «Новости»*. 18.03.2018. <https://ria.ru/20180318/1516527110.html> (дата обращения 20.08.2022)
24. Внутренние конфликты и расколы. Южно-Африканская Республика. *Политический атлас современности*. <http://www.hyno.ru/tom4/2068.html> (дата обращения 05.08.2022)
25. *ЮАР сегодня*. М., ИАФР РАН, 2020, с. 8–9. ISBN 978-5-91298-251-4.
26. Blair D. Jacob Zuma should face 783 criminal charges, declares South African court. *The Telegraph*. 29.04.2016.
27. Шубин В.Г. Южная Африка: новый рассвет? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 1, с. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750003337. ISSN 0321-5075.

THE ETHNIC FACTOR IN THE ACTIVITIES OF AFRICAN POLITICAL PARTIES

© 2023 Valentina Gribanova, Nina Grishina

GRIBANOVA Valentina V., Senior Research Fellow, Head of Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies. Russian Federation, 123001, Moscow, 30/1 Spiridonovka str., e-mail: vgibanova@mail.ru

GRISHINA Nina V., Senior Research Fellow, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka, 30/1, e-mail: eestimaa8@yandex.ru

Abstract. *The article summarizes the characteristics of the active influence of the ethnic factor on political processes in some African countries, where this phenomenon is among the most difficult to solve intra-national problems. The reasons for its persistence include state borders artificially created in colonial times without considering the interests of ethnic groups living in specific territories and unequal opportunities for the representatives of large and small ethnic groups to participate in the socio-political and other spheres of life of African states.*

Examples of the formation of power structures based on the belonging of statesmen to a certain ethnic group are given in the paper. The authors draw attention to the fact that ethnic ties often permeate all social relations, especially clearly manifested in state administration and the activities of opposition structures, as well as playing an important role in the life of the army. To date, there are long-established mutual negative perceptions and stereotypes in interethnic contacts, which make it extremely difficult for representatives of different ethnic groups to have a dialogue. In addition, traditional relations, which are primarily based on ethnicity, do not fit well into the framework of Western socio-political standards.

The relevance of the topic is due to the growing general instability in the majority of multi-ethnic states of the African continent, leading to the aggravation of long-standing problems of the socio-political spectrum. The authors conclude that the role of ethnic ties in the formation and activity of political structures in different regions of Africa is currently very significant.

Keywords: ethnic groups, politics, political struggle, traditions, interethnic confrontation, conflict resolution, instability, conflicts

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-62-1-64-76

REFERENCES

- Africa is in the grip of national problems (In Russ.). *Scientific and information Agency «Heritage of the Fatherland»*. http://old.nasledie.ru/politvne/18_12/article.php?art=1 (accessed 18.07.2022).
- Agbagba A. *Histoire Politique du Benin des indépendance à la Conférence Nationale*. Cotonou. Arc-en-ciel, 2000. 250 p., p. 3.
- Ake C. What Is the Problem of Ethnicity in Africa? *Transformation*. 1993. № 22, p. 8.
- Aklaev A.R. *Ethnopolitical Conflictology: Analysis and Management* (In Russ.). Moscow, Delo Publ. 2005. 472 p.
- Ardaev V. Racism the other way around. Land is being taken from white farmers in South Africa (In Russ.). *RIA Novosti*. 18.03.2018. <https://ria.ru/20180318/1516527110.html> (accessed 20.08.2022).
- Blair D. Jacob Zuma should face 783 criminal charges, declares South African court. *The Telegraph*. 29.04.2016.

- Brogan P. *Die Unruhe der Welt: Die Enzyklopaedie der Krisen und Konflikten unserer Zeit*. Wien–Darmstadt: Paul Szolnay Verlag, 1990. 763 p., pp. 116–125. ISBN: 978-3552042193.
- Destexhe A. *Rwanda and Genocide in the Twentieth Century*. New York. University Press and Pluto Press, 1995. 92 p., p. 46. ISBN: 978-0814718735.
- Elections 2012 in Angola. <https://www.dw.com/pt-002/elei%C3%A7%C3%B5es-de-2012-em-angola/a-16070052> (accessed 25.06.2022).
- Elischer S. *Political Parties in Africa. Ethnicity and Party Formation*. Cambridge. Cambridge University Press, 2013. 336 p., p. 227. ISBN: 978-1107620445.
- Ethnic processes in modern Africa. A series of lectures (In Russ.). <https://lektsia.com/2x2daf.html> (accessed 23.08.2022).
- Internal conflicts and splits. The Republic of South Africa. (In Russ.). *Political Atlas of modernity*. <http://www.hyno.ru/tom4/2068.html> (accessed 05.08.2022).
- Jasinto D.G. *O papel das Nações Unidas no conflito angolano (1991–2002)*. Universidade privada de Angola, campus de Cabinda, 2010. 140 p., p. 82.
- Kajibanga V. Democracia e dimensão cultural de desenvolvimento: uma reflexão sociológica sobre o caso africano. *RAS–Revista Angolana de Sociologia*, 2009. № 3, pp. 65–72.
- Kanjungu O.J. The specifics of the ethnic consciousness of Angolans in the context of modern trends in the integration of cultures (In Russ.). *Personal Development*. 2008. № 4, pp. 51–59.
- Kosukhin N.D. Ethnopolitical Conflicts in Africa: Origins and Typology. Part 1. (In Russ.) *RUDN Journal of Political Science. Ser. Politology*. 2011. № 1, pp. 48–58.
- Kochanova T.V. Sudan and South Sudan: Through the Deconstruction and Transformation of Power to its Evolution (In Russ.). *Journal of the Institute of African Studies*. 2020. № 3 (52), pp. 39–59. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-52-3-39-59.
- Krylov A. If they wanted democracy, they got a dictatorship. Why doesn't the Western model of democracy work? (In Russ.). *A Century. Online newspaper*. 23.10.2007. http://www.stoletie.ru/geopolitika/hoteli_demokratiju_poluchili_diktaturu.htm. (accessed 22.08.2022).
- Maddy-Weitzman B., Zisenwine D. *The Maghrib in the New Century: Identity, Religion, and Politics*. Gainesville: University of Florida Press, 2007. 288 p., pp. 85–86. ISBN: 978-0813031422.
- Murove M.F. *African Politics and Ethics. Exploring New Dimensions*. University of KwaZulu-Natal, 2020. 173 p., pp. 53. ISBN: 978-3-030-54184-2.
- Potozkaja T.I. Geopolitical conflicts in Africa. A series of lectures (In Russ.). <https://present5.com/> (accessed 26.07.2022).
- Shubin V.G. South Africa: A New Dawn? *Asia and Africa Today*. 2019. № 1, pp. 2–9.
- Tchad Agency du Coopération et de Recherche pour le Développement. <http://www.acord-international.org/acord/fr/acord/nos-actions/zones/chad> (accessed 23.08.2022).
- The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa. Ed. by J.L. Comaroff and J. Comaroff. Johannesburg: Wits University Press, 2018. 361 p., pp. 44. ISBN: 978-0226510934.
- Tokarev A.A. General Elections in Angola: a Milestone (In Russ.). *Elections in the Countries of Southern Africa: A Collection of Scientific Articles*. Moscow, Institute for African Studies RAS. 2020, pp. 77–87.
- Vinogradova N.V. Hissen Habre in the Modern History of Chad (In Russ.). *Africa: political portraits*. Moscow, Institute for African Studies RAS, 2018. 198 p., pp. 65–73. ISBN: 978-5-91298-224-8.
- RSA Today* (In Russ.). Moscow, Institute for African Studies RAS. 2020. 182 p. ISBN 978-5-91298-251-4.